

УДК 271.2+070.1
DOI: 10.17223/22220836/33/6

К.А. Кузоро, Д.А. Бирюкова

ФОРМЫ НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО СООБЩЕСТВА ЦЕРКОВНЫХ ИСТОРИКОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX В. (НА ПРИМЕРЕ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ)¹

Статья посвящена изучению научной коммуникации в среде церковных историков – преподавателей Московской духовной академии второй половины XIX – первой четверти XX в., благодаря усилиям которых происходило формирование русской церковно-исторической школы. Рассмотрены такие формы коммуникации, как взаимодействие с научными обществами, публикация исследований, научное руководство, переписка с учениками и коллегами, лекции, диспуты, научные кружки. Нормы и правила научной коммуникации в организации являются частью корпоративной культуры наряду с ее ценностями, традициями, психологическим климатом, стилем управления и т.д.

Ключевые слова: корпоративная культура, научная коммуникация, церковная историческая наука, научная школа, Московская духовная академия.

Понятие «научная коммуникация» не имеет строгого определения, но если обобщить имеющиеся, то этот термин можно объяснить как «совокупность процессов представления, передачи и получения научной информации», «основной механизм функционирования и развития науки, одно из важнейших средств ее связи с обществом, а также необходимое условие формирования и развития личности ученого» [1. С. 49]. Научная коммуникация стимулирует возникновение теоретического знания, является средством популяризации результатов научной деятельности и активизации процессов обмена новыми знаниями. Основу научной коммуникации составляет профессиональное общение ее участников.

Исследователями выделяется формальная и неформальная научная коммуникация, в рамках первой рассматриваются «процессы превращения письменной информации в научное знание» – журнальные статьи, сборники научных трудов, материалов конференций, монографии; при изучении второй в центре внимания оказываются виды и средства неформального общения, анализ коммуникационных сетей и структур [2. С. 115]. В настоящее время главными коммуникационными структурами выступают научные сообщества, кафедры, лаборатории, институты, конференции, симпозиумы, семинары, системы научно-технической информации; написание ведущими специалистами статей, учебников и научно-популярных книг, ориентированных на широкую аудиторию, а также так называемые «невидимые колледжи» – «неинституционализованные группы исследователей, согласованно работающих над общей проблематикой» [3].

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-78-00044).

Научная коммуникация является компонентом культуры, соотносимым с процессом приобретения профессиональных навыков в проведении научного исследования. Нормы и правила научной коммуникации в организации, в свою очередь, выступают частью корпоративной культуры наряду с ее ценностями, нормами и правилами поведения, психологическим климатом, стилем управления и т.д. Традиционно считалось, что объектом исследования научной коммуникации является научный текст, но в современной теории коммуникации наметилась тенденция к расширению и обогащению объекта исследования, имеющего сложный и комплексный характер, связанный с когнитивно-коммуникационной ориентацией научной коммуникации. Это позволяет изучать процессы коммуникации в науке во взаимодействии с профессиональной деятельностью и социокультурными связями [4. С. 6].

Исследуя корпоративную культуру историков как части профессорско-преподавательского состава духовных академий второй половины XIX – первой четверти XX в. [5], попробуем на примере школы историков Московской духовной академии выявить принятые в их сообществе формы и правила научной коммуникации.

С середины XIX столетия благодаря усилиям преподавателей академии – архиепископа Филарета (Гумилевского), А.В. Горского, Е.Е. Голубинского, Н.Ф. Каптерева, А.П. Лебедева – происходило формирование русской церковно-исторической школы. Для духовных академий вопрос о научных школах был неоднозначным. Как отмечает исследователь духовного образования Н.Ю. Сухова, «научная школа была одновременно и избегаемой угрозой, и несбывшимся упованием» [6. С. 586]. К этому понятию относились с осторожностью, поскольку в академиях отсутствовало официальное оформление научного руководства (преподаватель, предлагавший тему, выступал ее первым рецензентом, а помощь в написании работы никак не регламентировалась), но, что более вероятно, в академическом сообществе опасались разделений по примеру средневековых богословских школ, подчеркивая, что при всех различиях во взглядах русское богословие едино.

В исследованиях понятие «научная школа» наделяется следующим рядом признаков: наличие лидера – создателя научной школы, являющегося автором определенной программы исследования; наличие общей системы ценностей, стиля общения и представления результатов; взаимосвязь педагогической и исследовательской функций; организованный обмен информацией; преемственность поколений ученых; получение объективно нового знания, обогащающего науку; актуальность решаемых задач, признание результатов работы профессиональным сообществом [7–9]. Научная школа может функционировать в рамках научно-исследовательской лаборатории, кафедры в университете, но может представлять собой направление, объединенное общими методологическими установками и при этом расширенное в территориально-временных рамках. Научные школы часто выступают в роли института научной коммуникации, передавая лучшие исследовательские традиции через своих учеников другим коллективам и всему сообществу, что справедливо можно отнести к деятельности церковно-исторической школы Московской духовной академии.

Заслуга становления церковной истории как научного направления в Московской духовной академии во многом принадлежит Александру Василье-

вичу Горскому (1812–1875), по мнению дореволюционных и современных исследователей, «открывшему» церковную историческую науку, став «первым церковным историком в строгом и истинном смысле этого слова» [10. С. 285]. Если до этого времени в академиях преобладало богословско-философское направление, то теперь оно уступает место истории. С 1833 по 1862 г. он возглавлял кафедру церковной истории, в 1860 г. был возведен в сан протоиерея, в 1862 г. назначен ректором академии. После этого назначения перешел на кафедру догматического богословия: в силу существовавшей в то время традиции ректор обязательно должен был преподавать догматику. Тридцать лет А.В. Горский преподавал церковную историю и двенадцать лет – догматическое богословие. Создав в академии школу историков, он оказал воздействие на формирование взглядов Е.Е. Голубинского, Н.Ф. Каптерева, А.П. Лебедева.

А.В. Горскому принадлежат такие труды, как «Историческое описание Свято-Троицкой Сергиевой лавры, составленное по рукописным и печатным источникам», «О сане епископском в отношении к монашеству в церкви восточной: историческое обозрение», «Образование канона священных книг Нового Завета», «О священнодействии венчания и помазания царей на царство», «История евангельская и церкви апостольской», «Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки». Следует отметить, что как исследователю ему было свойственно отсутствие личных амбиций, неоднократно он передавал перспективные темы коллегам и ученикам. Многие сочинения А.В. Горского публиковались анонимно, другие, написанные в значительной степени им самим, – как сочинения его учеников [11. С. 151]. К публикациям был требователен: «каждое слово сочинения, предназначавшегося к печати, было строго обдуманно и вполне соответствовало своему назначению» [12. С. 419]. А.В. Горским был выработан метод изучения церковной истории, заключающийся в том, что церковная история подлежит общим историческим законам, призвана собирать факты и находить между ними связь [Там же. С. 412]. Также ученый применял метод сравнительного параллельного исследования русской и зарубежной церкви. Исторический метод был им применен и к изучению догматики [11. С. 151].

Другая форма осуществляемой научной коммуникации – лекции А.В. Горского. На лекциях по церковной истории ученый не боялся обсуждать неоднозначные вопросы, излагал разные точки зрения, предлагая учащимся самостоятельно выбирать ту, которая кажется им наиболее верной. От студентов он требовал понимания методологии изучаемой науки и классификации исторических источников. Для занятий церковной историей А.В. Горский считал необходимым знание не только церковной археологии, истории Вселенских соборов, патрологии, но и географии, статистики [13. С. 109]. В качестве характерной черты его лекций отмечается «строго православный характер при полном соблюдении научности и ученой критики» [14. С. 264].

Научная коммуникация реализовывалась А.В. Горским через переписку с учениками, коллегами, выпускниками академии. В то время при пока еще небольшом количестве научных журналов переписка ученых между собой служила одним из главных способов обмена мнениями и информацией. А.В. Горский мало выезжал за пределы Московской губернии, но интересовался и знал, что происходило в разных уголках России – Тобольске, Вятке,

Вологде, Перми, Казани, Суздале, Рязани. Он запрашивал губернские газеты, жития местночтимых святых, копии архивных документов. Бывшим ученикам А.В. Горский отправлял выписки из книг, конспекты лекций. В семинариях порой не было необходимых книг для подготовки к занятиям, и поэтому случалось так, что «во многих учебных заведениях России церковную историю наставники читали не только по указаниям, а иногда и прямо по тетрадкам и „листикам“ Александра Васильевича» [15. С. 303].

В период его работы в академии «редкая неделя проходила без того, чтобы Александр Васильевич не получил и не написал десятка писем самого разнообразного содержания» [Там же. С. 331]. Историк вел научную переписку с архиепископом Филаретом (Гумилевским), М.П. Погодиным, И.И. Срезневским, В.М. Ундольским, И.М. Снегиревым; давал консультации Н.И. Костомарову, О.М. Бодянскому, А.Н. Муравьеву, англиканскому священнику и богослову У. Палмеру. Иногда обращался к А.В. Горскому за разъяснением исторических вопросов и просьбами подыскать необходимые материалы обер-прокурор Синода А.П. Толстой через своих помощников – сенаторов Т.И. Филиппова или С.Н. Урусова. А.В. Горский встречался с исследователями, приезжавшими работать в монастырском архиве, «не просто показывал рукописи и памятники древности, но разъяснял смысл и значение их» [Там же. С. 303].

Одна из существующих в академическом образовании проблем заключалась в отсутствии полноценной и стабильной системы научного руководства. Выпускное сочинение, как и все текущие, писали не «под руководством того или иного преподавателя», а «тому или иному преподавателю» [16. С. 397]. Советы и рекомендации по написанию диссертации студент мог получить и от других членов академической корпорации, имевших особый статус или «харизму» руководителя [Там же. С. 400]. К таким преподавателям, безусловно, относился А.В. Горский, охотно готовый делиться своими знаниями со всеми, кто обращался к нему за советом или указаниями, проявляя «много терпения, чисто отеческой заботливости и педагогического такта» [12. С. 424]. В соответствии с учебной программой на третьем курсе одно из сочинений всегда писали по церковной истории; успешно справлявшиеся с курсовыми сочинениями студенты приглашались подготовить сочинение «на степень».

Формируя знание научного контекста темы курсового сочинения, А.В. Горский «заставлял студента читать толстые книги, чтобы из них воспользоваться для прямого дела пятью-десятью строками». Когда же работа близилась к завершению, он «присылал книгу самую нужную, самую главную в решении вопроса» [Там же. С. 426]. А.В. Горский тщательно проверял диссертации, анализируя широкий круг источников и литературы по предмету исследования.

Помимо студентов, за советами и пособиями обращались к А.В. Горскому преподаватели академии, особенно начинающие. Помощь коллегам заключалась в рекомендациях по ведению учебных занятий, которые он, будучи ректором, посещал [15. С. 496]. Составлял он рекомендации и для отправляющихся в заграничные командировки преподавателей, разъясняя, на какие стороны изучаемого предмета нужно обратить внимание, как работать с историческими источниками [17]. Часто обращались к исследователю за указаниями и справками ученые и писатели, не принадлежавшие к академии, – в этих

случаях А.В. Горскому приходилось делать выписки из книг и рукописей, на что требовалось немало времени и труда. В связи с работой в библиотеке Московской духовной академии (с 1834 по 1862 г.) он знал литературу не только по кругу своих научных интересов, но и по всем преподаваемым предметам, рекомендовал книги ученикам и коллегам или давал их на время [18].

Научная коммуникация осуществлялась в форме взаимодействия с Академией наук, научными обществами – Русским географическим обществом, Русским археологическим обществом, Обществом истории и древностей российских, Московским археологическим обществом, Обществом любителей российской словесности при Московском университете, Обществом любителей духовного просвещения, Обществом древнерусского искусства при Московском публичном музее, Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии. Сохранилась переписка А.В. Горского с научными обществами, в которой представлено многообразие форм взаимодействия: обсуждение исследовательских программ [19]; вопросов издания научных трудов [20]; консультирование исследователей по поводу книг и рукописей, хранящихся в библиотеке Московской духовной академии и других книгохранилищах [21].

В служении науке А.В. Горский видел «служение церкви, один из видов духовного звания» [12. С. 400]. Нормы взаимодействия в корпорации ученых, сложившиеся во время ректорства А.В. Горского, можно сформулировать так: «соединение широких научных знаний с высокой христианской нравственностью» [22. С. 496].

Существенный вклад в развитие русской церковной исторической науки и византистики сделал профессор Алексей Петрович Лебедев (1845–1908). Его учителями в Московской духовной академии были В.Д. Кудрявцев-Платонов по философии и А.В. Горский по церковной истории. Подход к научной работе А.В. Горского – работать непосредственно с текстами источников и руководствоваться при этом строго научным методом критического исследования – был усвоен А.П. Лебедевым.

В 1870-х гг. А.П. Лебедев опубликовал ряд крупных работ по византийской церковной истории. В 1879 г. он защитил докторскую диссертацию по теме «Вселенские соборы IV и V веков. Обзор их догматической деятельности в связи с направлением школ Александрийской и Антиохийской», имевшую большой успех в научной среде и вместе с тем вызвавшую споры [23]. На протяжении жизни А.П. Лебедев неоднократно возвращался к исследованию истории Вселенских соборов, создав на эту тему двухтомный труд. Работы А.П. Лебедева имели под собой солидную научную основу в виде зарубежных исследований. Его труды получили признание как внутри научного сообщества, так и вне его: «У всех лучших семинаристов, мечтавших об академии, сложилось твердое убеждение, что в Московскую академию, стоявшую в нашем представлении особенно высоко и бывшую потому предметом усиленных стремлений, немислимо и попасть, не зная сочинений А.П. Лебедева (общая церковная история) и Е.Е. Голубинского (русская церковная история)» [24. С. 584].

Сфера научных интересов А.П. Лебедева очень широка: он исследовал историю древней церкви в эпохи Римской и Византийской империй, охватил всю историю вселенского православия до конца XIX в., анализировал разви-

тие церковной исторической науки. Исследования А.П. Лебедева фактически делятся на три направления: 1) апологетическое; 2) критико-библиографическое; 3) церковно-историческое. Помимо этого, А.П. Лебедев старался откликаться публикациями на современные проблемы церковной жизни.

Ученый пользовался большой популярностью у студентов, его аудитория была одной из самых посещаемых. Его непосредственными учениками были А.П. Доброклонский, Н.Н. Глубоковский, А.А. Спасский. В 1896 г. он был утверждён в должности ординарного профессора Московского университета по кафедре церковной истории, которую занимал до своей смерти. А.П. Лебедев, таким образом, стал «связующим звеном» между Московской духовной академией и Московским университетом.

Характеризуя заслуги А.П. Лебедева в области церковной исторической науки, профессор А.А. Спасский писал: «Он не только поднял русскую науку на надлежащую высоту, но и привлек к ней внимание ученого Запада, сделав ее общеевропейским явлением» [25. С. 226]. Сам же А.П. Лебедев успех научной деятельности соотносил со своими учениками: «Смею думать, что моя академическая служба прошла не совсем бесплодно. Частью единолично, а частью в компании с кем-либо мной создано в академии семь докторов богословия, церковной истории и канонического права... Под моим руководством или же при моем содействии приобрели степень магистра не менее тринадцати молодых людей, и между ними такие талантливые лица, как Доброклонский, Мартынов (потом протоиерей), Глубоковский, Спасский и Андреев» [23. С. 37–38].

Сохранилось немало отзывов А.П. Лебедева на сочинения студентов и преподавателей – историков и богословов из Московской и Санкт-Петербургской духовных академий [26]. Темы, которые предоставлял А.П. Лебедев для научных сочинений, давали значительную свободу для собственных научных изысканий, поэтому между профессором и учениками происходил настоящий обмен идеями – студенческие сочинения наталкивали на новые мысли и новые пути. Его ученик Н.Н. Глубоковский в статье, посвящённой памяти учителя, писал о подходах к исследованию, которые А.П. Лебедев передавал ученикам: понимание, что прошлое «открывает генезис и смысл настоящего, определяя для последнего научную ценность и предрешая ему свойственную будущность», «тщательные изыскания относительно источников для взятой эпохи» [27. С. 62]. При всей фундаментальности А.П. Лебедев не перегружал исследования научным аппаратом, избегал того, чтобы история была «удручающей и отталкивающей»; умел захватить слушателей лекциями – «ведь для доказательства прочности здания вовсе не обязательно пересчитывать и описывать все поддерживающие сваи, когда разъяснен секрет его устойчивости» [Там же. С. 50].

Еще один яркий представитель сложившейся в Московской духовной академии школы – Евгений Евстигнеевич Голубинский (1834–1912). По предложению А.В. Горского Е.Е. Голубинский написал сочинение на степень магистра богословия «Об образе действия православных греко-римских государей в IV, V и VI вв. в пользу церкви против еретиков и раскольников» на основе значительного количества исторических и археологических материалов. Под влиянием А.В. Горского Е.Е. Голубинский применял критический историко-сравнительный метод; его учениками были С.И. Смирнов,

С.А. Белокуров, Н.Ф. Каптерев, А.П. Голубцов. О постоянных научных контактах свидетельствуют переписка и отзывы на сочинения как учеников [28, 29], так и других исследователей церковной истории – С.Т. Голубева, Н.И. Кедрова, И.С. Знаменского, Н.И. Субботина [30, 31].

В 1882 г. Е.Е. Голубинский получил звание ординарного профессора и был избран членом-корреспондентом Академии наук, в 1886 г. удостоен звания заслуженного ординарного профессора. Исследователь являлся членом многих научных обществ: Общества истории и древностей российских, исторического Общества Нестора-летописца, Ростовского музея церковных древностей, Болгарского книжного дружества в Софии, Общества любителей древней письменности. Ученый вел переписку с ними, участвовал в заседаниях и издательской деятельности, подготавливал справки по различным вопросам, обменивался книгами из личной библиотеки [32].

Главные труды Е.Е. Голубинский посвятил истории Русской православной церкви. Чтобы лучше понять ее исторические корни, Е.Е. Голубинский изучал историю православия у славянских народов, создав фундаментальные исследования «Св. Константин и Мефодий, апостолы славянские», «Краткий очерк истории православных церквей Болгарской, Сербской и Румынской или Молдо-Валашской». Характерной чертой эпохи, в которую работал Е.Е. Голубинский, являлось стремление к обновлению, переоценке прошлого, критический подход к явлениям общественной жизни. Настроения эпохи оставили свой отпечаток на научных взглядах историка. Он считал, что главная задача ученого – это «непредвзятый поиск истины, свободный от всякого внешнего давления» [33. С. 29].

Основной труд Е.Е. Голубинского – «История русской церкви» – смелой критикой установившихся воззрений и новым освещением фактов произвел большое впечатление на научное сообщество. В этом произведении автор подвергает сомнению такие устоявшиеся к тому времени представления, как легенда о путешествии апостола Андрея по берегам Днепра и Волхова, известия о крещении Аскольда и Дира, подробности крещения княгини Ольги и князя Владимира и другие, по его словам, «баснословные повести». Перед «Историей русской церкви» сам исследователь ставил цель обратиться к религиозной жизни общества, поэтому, прежде всего, читатель узнает об общественном положении и быте приходского духовенства, монастырских уставах, архитектуре церквей и колоколен, внутреннем убранстве храмов, русских церковных праздниках, школах грамотности и библиотеках.

Говоря о Е.Е. Голубинском, нельзя не вспомнить еще про одну форму научной коммуникации – диспуты. Введенные уставом 1869 г. публичные диспуты на защитах магистерских и докторских диссертаций [34. С. 553–554] были значимым событием жизни академий. До 1869 г. защиты богословских диссертаций не предусматривались, присуждение степеней происходило путем голосования членов академического совета на основании отзывов и рецензий на диссертацию.

Диспуты привлекали представителей светской науки, высшей церковной иерархии, местного духовенства; преподавателей гимназий, писателей, редакторов православных журналов. В Сергиев Посад приезжали М.П. Погодин, Ю.Ф. Самарин, Н.П. Аксаков [35. С. 124], ректор Московского университета Н.С. Тихонравов, председатель Общества истории и древностей

русских граф Д.Н. Толстой [36. С. 792]. В периодических изданиях публиковались заметки о прошедших диспутах, и случалось, что читатели отправляли в редакции письма, где высказывали замечания, комментировали ошибки, по их мнению, допущенные при изложении хода дискуссий [37], что свидетельствовало об интересе общества к диспутам.

Необходимость представлять конкретные результаты заметно стимулировала в академиях научную работу, развивала более вдумчивое отношение к исследуемым вопросам. Положительным моментом введения диспутов стало то, что общество отчасти прекратило упрекать духовные школы в замкнутости, начало более серьезно и осмысленно относиться к богословским вопросам. Происходила популяризация церковной исторической науки. Теперь обращалось внимание не только на содержание аргументов, но и на форму их подачи, ценились «легкость и быстрота» в ответах, «твердость в отстаивании мнений», «уверенность в себе и в своих познаниях» [36. С. 795]. Происходило расширение контактов со светской наукой, активизация работы журналов духовных академий. Умение аргументировать научные взгляды и выстраивать логику доказательств повышало уровень преподавательской работы в академиях [38. С. 34–35]. Отрицательной стороной диспутов, объясняемой небольшим опытом их существования, было отсутствие культуры ведения научного диалога, чрезмерное увлечение публичным ниспровержением авторитетов.

Устав 1884 г. отменил диспуты для докторских диссертаций, объясняя это тем, что докторанты уже приобрели известность «отличными по своим достоинствам учеными трудами» [39. С. 33], степень присуждалась «по представлении напечатанной диссертации или сочинения, хотя бы и написанного не с целью получения ученой степени» [Там же]. Диспуты на защитах магистерских диссертаций заменялись коллоквиумами – обсуждением диссертации советом академии и приглашенными им лицами [Там же. С. 31].

Отмене диспутов предшествовала дискуссия, в которой представители академической корпорации (И.Ф. Нильский, И.Е. Троицкий, И.С. Бердников) выступали за их сохранение, аргументируя это тем, что для общественности диспуты служили одним из немногих «источников для ознакомления с академической наукой», благодаря которому «не только мало-помалу рассеялись предубеждения против научной самостоятельности академий, но и утвердилась на твердом основании их ученая репутация» [40. С. 79]. Отмена же диспутов может быть интерпретирована как «признание несостоятельности академической науки перед судом современного знания» [Там же. С. 80].

В 1880 г. в Московской духовной академии Е.Е. Голубинский, тогда ее экстраординарный профессор, защищал только что вышедшую первую часть первого тома «Истории русской церкви» в качестве диссертации на степень доктора богословия. Вступительная речь открывалась словами благодарности совету академии за то, что ему было разрешено представить «не диссертацию, нарочно для этой цели написанную», а часть разработанного курса по истории русской церкви [41. Л. 1].

Е.Е. Голубинский вспоминал о своем докторском диспуте так: «Вовсе не скажу, что я сдал его блистательно. Будучи не совсем здоров физически и чувствуя себя по некоторым причинам угнетенным нравственно, я дебатировал со своими оппонентами не с той живостью и бойкостью, каких от меня

ожидали. Впрочем, вышел из состязаний с ними с честью» [33. С. 53]. Надо отметить, в воспоминаниях историк отводит диспуту совсем немного места, при этом диспут стал одним из ярких событий в жизни академии. Диспут собрал большую аудиторию: «съехалось много народу, так что обычных в актовом зале мест не достало» [42. С. 149]. Помимо профессоров, преподавателей и студентов академии, в зале присутствовали «ученые и любители наук, не принадлежащие академии»: граф М.В. Толстой, историки А.Е. Викторов, Е.В. Барсов, редакторы «Православного обозрения» П.А. Преображенский и «Душеполезного чтения» В.П. Нечаев. Диспут длился «с большим оживлением в течение трех с половиной часов», все это время публика с напряженным вниманием следила за происходившим и прерывала тишину только «неоднократными заявлениями своего сочувствия к диспутанту»; по окончании же диспута «шумным и сердечным овациям не было конца» [Там же]. Поскольку работа содержала выводы, отвергающие традиционные взгляды на ключевые положения истории христианства на Руси, официальные оппоненты – Н.И. Субботин и В.О. Ключевский – утверждали, что Е.Е. Голубинский «тяжелым молотом критики» разбил пусть и не совершенную, но целостную историю русского православия [Там же. С. 158].

Не каждый диспут демонстрировал успехи церковной исторической науки. Показателен в этом отношении диспут профессора Московской духовной академии Н.И. Субботина, состоявшийся 18 апреля 1874 г. на защите его диссертации «Происхождение ныне существующей у старообрядцев так называемой Австрийской, или Белокриницкой иерархии: историческое исследование». Работа была написана на достаточном количестве источников, но критические замечания вызывали методология работы, ее апологетичность, отсутствие «связи специального предмета диссертации с общей историей раскола», отсутствие разъяснений «именно на те возражения, которые являлись наиболее важными для большинства публики, интересующейся самим расколом, а не разными подробностями и случайностями его нынешней истории» [43. С. 337].

В публикуемой критике диспутов прочитывались нормы и ожидания корпорации, предъявляемые к содержанию и презентации научного исследования. У ученых, представляющих работы на суд публики, было осознание, что они способны «поддержать научное достоинство и честь воспитавшей их академии» [22. С. 508]. В этом также заключался вклад диспутов в формирование культуры ведения и презентации научного исследования.

Во многом опыт публичных выступлений и участия в дискуссиях приобретался в научных кружках. Первый опыт создания научного кружка принадлежал студентам Московской духовной академии. Организованный в 1816 г. «с целью взаимного обмена мыслей, возникающих по поводу изучения той или другой науки», кружок носил название «Ученые беседы» [44. С. 1]. На момент создания в кружке состояло 24 человека. В течение первых трех месяцев было прочитано 20 рефератов по богословию, философии, истории и словесности. Но настоящий «кружковый» порыв пришелся на 1890–1900 гг., когда создаваемые одновременно во всех четырех академиях кружки представляли не инициативу отдельных лиц, а особое явление, обусловленное рядом причин. С одной стороны, сказывалась поддержка руководством академии и преподавателями научных кружков, способных стать альтернативой

«неблагонадежным» общественно-политическим кружкам. С другой стороны, работа таких собраний восполняла пробел, возникший после отмены уставом 1884 г. учебных семинаров. Академическое сообщество осознавало, что без самостоятельного чтения и анализа источников плодотворный научный и учебный процесс был невозможен [45. С. 154].

Содержание работы созданного в Московской духовной академии в 1899 г. философского кружка состояло «со стороны действительных членов – в приготовлении, чтении и обсуждении рефератов, со стороны профессоров – в советах студентам при выборе и постановке вопросов, а во время заседаний – в руководстве прениями и оценке как содержания рефератов, так и результатов прений» [46. С. 411]. Один из руководителей кружка доцент психологии П.П. Соколов на первом заседании так сформулировал его цель: «Содействовать самообразованию и выработке философского мировоззрения, одинаково необходимого как для научной, так и для практической деятельности» [Там же. С. 412]. Темы докладов были таковы: «О свободе воли», «О происхождении законов мышления», «К полемике А. Введенского и В. Соловьева по вопросу об отношении Спинозы к теизму», «Проблема прогресса и счастья» [Там же]; «Физическая и умственная усталость», «Ницше как критик альтруизма», «Учение Лейбница об апперцепции», «Движение и воля как основа физических сил и явлений» и др. [47. С. 322].

Заседания открывались в шесть часов вечера и заканчивались около девяти. Нередко после заседаний устраивались музыкальные вечера [Там же]. На заседаниях кружка присутствовали не только философы, психологи, богословы, но также историки, преподающие в академии, – В.О. Ключевский, И.М. Громогласов. Кружки дали интересный опыт самоорганизации студентов, актуализации получаемых знаний, общения с преподавателями на новом уровне.

Осуществляемая во всем многообразии ее форм научная коммуникация профессорско-преподавательского сообщества духовных академий, основанная на объективности, работе с историческими источниками, ответственности, признании ценности научной школы и стремлении передавать знания ученикам, гражданской активности, способствовала расцвету духовного образования и науки.

Литература

1. Федорова Н.Г. Динамика научной коммуникации в условиях классической и неклассической науки // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 367. С. 49–51.
2. Выдрин О.В. Научная коммуникация : к методологии исследования // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. 2009. № 42 (180), вып. 15. С. 112–117.
3. Мирский Э.М. Невидимый колледж [Электронный ресурс] // Новая философская энциклопедия. Электронная библиотека ИФ РАН. URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH01beef84ca72acb5a42e9dbe> (дата обращения: 20.11.2018).
4. Алексеева Л.М. Культура научной коммуникации. Пермь : Перм. гос. нац. иссл. ун-т, 2015. 220 с.
5. Кузоро К.А. Корпоративная культура церковных историков в российских православных духовных академиях второй половины XIX – первой четверти XX в.: концепция исследования // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2017. № 25. С. 13–21.
6. Сухова Н.Ю. А.А. Дмитриевский и ученики : проблема «научной школы» в российских духовных академиях (конец XIX – начало XX в.) // Церковь. Богословие. История : материалы

III Международной научно-богословской конференции. Екатеринбург, 6–7 февраля 2015 г. / под ред. С.Ю. Акишина, И.А. Никулина. Екатеринбург, 2015. С. 583–595.

7. Штейнер Г. Связь социального и познавательного факторов в творческой деятельности научных школ // Школы в науке / под ред. С.Р. Микулинского, М.Г. Ярошевского, Г. Кребера. М. : Наука, 1977. С. 97–118.

8. Первозванский А.А. Объективные признаки научной школы [Электронный ресурс] // Управление большими системами. Вып. 4 : Наукометрия и экспертиза в управлении наукой. URL:

http://www.mathnet.ru/php/archive.phtml?wshow=paper&jmid=ubs&paperid=712&option_lang=rus (дата обращения: 20.11.2018).

9. Кванина В.В. Понятие и признаки научной школы // Вестник университета им. О.Е. Куцафина (МГЮА). 2016. № 11. С. 37–42.

10. Спасский А.А. Первая лекция по кафедре общей церковной истории // Богословский вестник. 1903. Т. 1. С. 278–296.

11. Гоголев Г., Римский С.В., Турилов А.А. Горский Александр Васильевич // Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М., 2006. Т. 12. С. 149–152.

12. Смирнов С. Александр Васильевич Горский (Биографический очерк) // Богословский вестник. 1900. № 10. С. 381–441.

13. Кузоро К.А. Труды А.В. Горского : к опыту осмысления развития русской церковной исторической науки середины XIX столетия // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 2, ч. 2. С. 108–113.

14. Воспоминания, заметки и письма // Русское обозрение. 1896. № 1. С. 259–287.

15. Постников П. Очерки жизни и деятельности Александра Васильевича Горского // У Троицы в академии. 1814–1914 гг. : юбилейный сборник исторических материалов. М., 1914. С. 252–341.

16. Сухова Н.Ю. Система научно-богословской аттестации в России в XIX – начале XX в. 2-е изд., испр. М. : Изд-во ПСТГУ, 2012. 676 с.

17. Проект инструкции бакалавру Московской духовной академии Н.К. Соколову относительно его ученых занятий за границей // У Троицы в академии. 1814–1914 гг. : юбилейный сборник исторических материалов. М., 1914. С. 448–449.

18. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 78 (фонд А.В. Горского). К. 24. Д. 63; К. 29. Д. 11; К. 31. Д. 17; К. 39. Д. 21.

19. ОР РГБ. Ф. 78. К. 29. Д. 26.

20. ОР РГБ. Ф. 78. К. 29. Д. 20, 21.

21. ОР РГБ. Ф. 78. К. 23. Д. 12; К. 29. Д. 19, 25.

22. Кантрев Н.Ф. Ректор Московской духовной академии протоиерей Александр Васильевич Горский (из моих личных воспоминаний) // У Троицы в академии. 1814–1914 гг. : юбилейный сборник исторических материалов. М., 1914. С. 495–509.

23. Лебедев А.П. К моей учено-литературной автобиографии и материалы для характеристики беспринципной критики (посвящается моим давним ученикам 1870–1895 гг.) // К моей учено-литературной автобиографии... : сборник памяти А.П. Лебедева. СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2005. С. 18–43.

24. Покровский А. Алексей Петрович Лебедев (некролог) // Богословский вестник. 1908. № 7–8. С. 577–597.

25. Спасский А.А. Профессор А.П. Лебедев // К моей учено-литературной автобиографии... : сборник памяти А.П. Лебедева. СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2005. С. 128–229.

26. ОР РГБ. Ф. 769 (фонд А.П. Лебедева). К. 3. Д. 11, 12, 15.

27. Глубоковский Н.Н. Памяти покойного профессора Алексея Петровича Лебедева (под первым впечатлением тяжелой утраты) // К моей учено-литературной автобиографии... : сборник памяти А.П. Лебедева. СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2005. С. 44–78.

28. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1628 (фонд Е.Е. Голубинского). Оп. 1. Д. 374.

29. ОР РГБ. Ф. 541 (фонд Е.Е. Голубинского). К. 5. Д. 10; К. 6. Д. 13; К. 7. Д. 1.

30. ОР РГБ. Ф. 541. К. 5. Д. 13, 14.

31. РГИА. Ф. 1628. Оп. 1. Д. 382.

32. ОР РГБ. Ф. 541. К. 9. Д. 66, 67, 69.

33. Воспоминания Е.Е. Голубинского // Труды Костромского научного общества по изучению местного края : третий исторический сборник. Кострома, 1923. Вып. 30. С. 1–80.

34. *Высочайше* утвержденный Устав православных духовных академий 30 мая 1869 г. (№ 47154) // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. XLIV. Отд. 1. 1869 г. № 46610–47357. СПб., 1873. С. 545–556.
35. *Докторский* диспут В.Д. Кудрявцева в Московской духовной академии // Православное обозрение. 1873. № 2. С. 122–125.
36. *Докторский* диспут протоиерея А.М. Иванцова-Платонова // Православное обозрение. 1877. № 12. С. 790–814.
37. *Потанов В.* Письмо в редакцию // Православное обозрение. 1873. № 2. С. 125–128.
38. *Сухова Н.Ю.* Диссертационные диспуты как форма научной работы в православных духовных академиях России в 1869–1884 гг. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II. История. История Русской православной церкви. 2010. Вып. II:3 (36). С. 21–35.
39. *Устав* православных духовных академий. СПб., 1884. 48 с.
40. *Устав* православных духовных академий (с приложениями). СПб. : Синод. Тип., 1883. 95 с.
41. *ОР РГБ.* Ф. 541. К. 5. Д. 6.
42. *А.Б.* Докторский диспут в Московской духовной академии 16-го декабря 1880 г. // Православное обозрение. 1881. № 1. С. 147–178.
43. *Докторский* диспут г. Субботина в Московской духовной академии // Православное обозрение. 1874. № 5. С. 327–337.
44. *Голубинский Ф.А.* История общества, составившегося под названием «Ученые беседы» в Московской духовной академии 1 марта 1816 г. // У Троицы в Академии. 1814–1914 гг. : юбилейный сборник исторических материалов. М., 1914. С. 1–9.
45. *Сухова Н.Ю.* Студенческие кружки в высшей школе (на примере православных духовных академий в России в 1890–1900-е гг.) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2010. № 13 (84), вып. 15. С. 152–159.
46. *Отчет* о деятельности студенческого философско-психологического кружка за 1899–1900 и 1900–1901 учебные годы // Богословский вестник. 1902. № 2. С. 411–430.
47. *Отчет* о деятельности студенческого философского кружка за 1901–1902 учебный год // Богословский вестник. 1903. № 6. С. 322–327.

Kristina A. Kuzoro, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: clio-2002@mail.ru

Daria A. Biryukova, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: darryaiik@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2019, 33, pp. 76–90.

DOI: 10.17223/22220836/33/6

FORMS OF SCIENTIFIC COMMUNICATION OF THE TEACHING COMMUNITY OF CHURCH HISTORIANS OF THE SECOND HALF OF THE XIX – FIRST QUARTER OF THE XX CENTURIES (ON THE EXAMPLE OF THE MOSCOW THEOLOGICAL ACADEMY)

Keywords: corporate culture; scientific communication; church historical science; scientific school; Moscow Theological Academy.

The article is devoted to the study of scientific communication among church historians – teachers of the Moscow Theological Academy of the second half of the XIX – first quarter of the XX centuries (A.V. Gorskiy, E.E. Golubinskiy, N.F. Kapterev, A.P. Lebedev, etc.). Such forms of scientific communication as interaction with scientific societies, publication of works, scientific management, correspondence with students and colleagues, lectures, disputes, scientific coteries are considered.

A.V. Gorskiy developed the approach, the essence of which is that church history is subject to general historical laws, designed to gather facts and find a connection between them. The researcher stressed the need to use only reliable sources, while remembering that church history is not a “collection of facts”, but a science that penetrates into their internal connection. In the archive of the scientist, drafts of lecture courses have been preserved, testifying to the ongoing work on their updating and improvement. At lectures in the Academy, A.V. Gorskiy was not afraid to discuss ambiguous issues, to present different points of view. From students he demanded an understanding of the methodology of the studied science and the classification of historical sources.

Scientific communication was implemented by researchers through correspondence with students, colleagues, graduates of the Academy. Scientific communication was carried out in the form of interaction with the Academy of Sciences, the Russian Geographical Society, the Russian Archaeological Society, the Society of Russian History and Antiquities, the Historical Society of Nestor the Chronicler, the Society of Lovers of Spiritual Education, the Society of Lovers of Natural Science, Anthropology and Ethnography. Correspondence has been preserved in which the variety of forms of cooperation is presented: discussion of research programs, issues of publishing scientific papers; advising on books and manuscripts stored in the library of the Moscow Theological Academy and other book storages.

Another form of scientific communication was public disputes on the protection of master's and doctoral dissertations introduced by the academic charter of 1869. Disputes attracted the attention of representatives of secular science, the highest church hierarchy, the local clergy; writers, gymnasium teachers, editors of Orthodox magazines. The positive aspect of the introduction of disputes was that society had partly stopped blaming theological schools for isolation, beginning to treat theological issues more seriously and intelligently. Popularization of church historical science took place. In many ways, the experience of public speaking and participation in discussions was acquired in scientific circles. Coteries provided an interesting opportunity for students to self-organize, update knowledge, and communicate with teachers at a new level.

Scientific communication of the faculty community of theological academies of the second half of the XIX – the first quarter of the XX centuries, based on objectivity, work with historical sources, responsibility, civic activism, recognition of the value of a scientific school, contributed to the flourishing of ecclesiastical education and science.

References

1. Fedorova, N.G. (2013) Dynamics of scientific communication in classical and non-classical science. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 367. pp. 49–51. (In Russian).
2. Vydrin, O.V. (2009) Nauchnaya kommunikatsiya: k metodologii issledovaniya [Scholarly communication: On research methodology]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Kul'turologiya*. 42(180). Vyp. 15. pp. 112–117.
3. Mirsky, E.M. (n.d.) *Nevidimyy kolledzh* [Invisible College]. [Online] Available from: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH01beef84ca72acb5a42e9d> be. (Accessed: 20th November 2018).
4. Alekseeva, L.M. (2015) *Kul'tura nauchnoy kommunikatsii* [The Culture of Scientific Communication]. Perm: Perm State University.
5. Kuzoro, K.A. (2017) Corporate culture of church historians in the Russian Orthodox Ecclesiastical Academy in the second half of the 19th – the first quarter of the 20th century: research concept. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Culture Studies and Art History*. 25. pp. 13–21. (In Russian). DOI: 10.17223/22220836/25/2
6. Sukhova, N.Yu. (2015) [A.A. Dmitrievsky and his disciples: The problem of the “school of thought” in the Russian theological academies (the late 19th – early 20th century)]. *Tserkov'. Bogoslovie. Istoriya* [Church. Theology. History]. Proc. of the Third International Conference. Ekaterinburg. February 6–7, 2015. Ekaterinburg. pp. 583–595. (In Russian).
7. Steiner, G. (1977) Svyaz' sotsial'nogo i poznavatel'nogo faktorov v tvorcheskoy deyatelnosti nauchnykh shkol [The relation between social and cognitive factors in the creative activity of scholar schools]. In: Mikulinsky, S.R., Yaroshevsky, M.G. & Kreber, G. (eds) *Shkoly v nauke* [Schools of Thought]. Moscow: Nauka. pp. 97–118.
8. Pervozvansky, A.A. (n.d.) Ob'ektivnye priznaki nauchnoy shkoly [Objective signs of a scientific school]. *Upravlenie bol'shimi sistemami*. 4. [Online] Available from: http://www.math-net.ru/php/archive.phtml?wshow=paper&jrnid=ubs&paperid=712&option_lang=rus. (Accessed: 20th November 2018).
9. Kvanina, V.V. (2016) The concept and features of scientific school. *Vestnik universiteta im. O.E. Kutafina (MGYUA) – Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 11. pp. 37–42. (In Russian). DOI: 10.17803/2311-5998.2016.27.11.037-042
10. Spassky, A.A. (1903) Pervaya lektsiya po kafedre obshchey tserkovnoy istorii [The first lecture of the Department of General Church History]. *Bogoslovskiy vestnik*. 1. pp. 278–296.
11. Gogolev, G., Rimsky, S.V. & Turilov, A.A. (2006) Gorskiy Aleksandr Vasil'evich [Gorsky Aleksandr Vasilievich]. In: Patriarch of Moscow and All Russia Alexy II. (ed.) *Pravoslavnyaya*

entsiklopediya [The Orthodox Encyclopedia]. Vol. 12. Moscow: Pravoslavnaya entsiklopediya. pp. 149–152.

12. Smirnov, S. (1900) Aleksandr Vasilevich Gorskiy (Biograficheskiy ocherk) [Aleksandr Vasilevich Gorskiy (A biographical sketch)]. *Bogoslovskiy vestnik*. 10. pp. 381–441.

13. Kuzoro, K.A. (2012) A.V. Gorskiy's works: to the attempt of understanding Russian church historical science development of the middle of the 19th century. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 2(2). pp. 108–113. (In Russian).

14. Anon. (1896) Vospominaniya, zametki i pis'ma [Memories, notes and letters]. *Russkoe obozrenie*. 1. pp. 259–287.

15. Postnikov, P. (1914) Ocherki zhizni i deyatelnosti Aleksandra Vasil'evicha Gorskogo [Essays on the life and work of Aleksandr Vasilevich Gorskiy]. In: Dobronravov, N.P. et al. (eds) *U Troitsy v akademii. 1814–1914 gg. Yubileyny sbornik istoricheskikh materialov* [At the Trinity in the Academy. 1814–1914. Jubilee Collection of Historical Materials]. Moscow: [s.n.]. pp. 252–341.

16. Sukhova, N.Yu. (2012) *Sistema nauchno-bogoslovskoy attestatsii v Rossii v XIX – nachale XX v.* [The system of scholar and theological certification in Russia in the 19th – early 20th century]. 2nd ed. Moscow: St. Tikhon's Orthodox University.

17. Anon. (1914) Proekt instruktssii bakalavru Moskovskoy dukhovnoy akademii N.K. Sokolovu ot nositel'no ego uchenykh zanyatiy zagranitse [Draft instructions for the bachelor of the Moscow Theological Academy N.K. Sokolov regarding his scholarship abroad]. In: Dobronravov, N.P. et al. (eds) *U Troitsy v akademii. 1814–1914 gg. Yubileyny sbornik istoricheskikh materialov* [At the Trinity in the Academy. 1814–1914. Jubilee Collection of Historical Materials]. Moscow: [s.n.]. pp. 448–449.

18. Department of Manuscripts of the Russian State Library (OR RGB). Fund 78. Folder 24. File 63; Folder 29. File 11; Folder 31. File 17; Folder 39. File 21.

19. Department of Manuscripts of the Russian State Library (OR RGB). Fund 78. Folder 29. File 26.

20. Department of Manuscripts of the Russian State Library (OR RGB). Fund 78. Folder 29. File 20, 21.

21. Department of Manuscripts of the Russian State Library (OR RGB). Fund 78. Folder 23. File 12; Folder 29. File 19, 25.

22. Kapterev, N.F. (1914) Rektor Moskovskoy dukhovnoy akademii protoierey Aleksandr Vasilevich Gorskiy (iz moikh lichnykh vospominaniy) [Rector of the Moscow Theological Academy, Archpriest Aleksandr Vasilevich Gorskiy (from my personal memories)]. In: Dobronravov, N.P. et al. (eds) *U Troitsy v akademii. 1814–1914 gg. Yubileyny sbornik istoricheskikh materialov* [At the Trinity in the Academy. 1814–1914. Jubilee Collection of Historical Materials]. Moscow: [s.n.]. pp. 495–509.

23. Lebedev, A.P. (2005) *K moyey ucheno-literaturnoy avtobiografii i materialy dlya kharakteristiki besprintsipnoy kritiki* [To my literary autobiography and materials for characterizing unprincipled criticism]. St. Petersburg: Oleg Abyshko. pp. 18–43.

24. Pokrovsky, A. (1908) Aleksey Petrovich Lebedev (nekrolog) [Aleksey Petrovich Lebedev (Obituary)]. *Bogoslovskiy vestnik*. 7–8. pp. 577–597.

25. Spassky, A.A. (2005) Professor A.P. Lebedev [Professor A.P. Lebedev]. In: Lebedev, A.P. (2005) *K moyey ucheno-literaturnoy avtobiografii i materialy dlya kharakteristiki besprintsipnoy kritiki* [To my literary autobiography and materials for characterizing unprincipled criticism]. St. Petersburg: Oleg Abyshko. pp. 128–229.

26. Department of Manuscripts of the Russian State Library (OR RGB). Fund 769. Folder 3. File 11, 12, 15.

27. Glubokovsky, N.N. (2005) Pamyati pokoynogo professor Alekseya Petrovicha Lebedeva (pod pervym vpechatleniem tyazhelyy utraty) [In memory of the late Professor Aleksei Petrovich Lebedev (under the first impression of the heavy loss)]. In: Lebedev, A.P. (2005) *K moyey ucheno-literaturnoy avtobiografii i materialy dlya kharakteristiki besprintsipnoy kritiki* [To my literary autobiography and materials for characterizing unprincipled criticism]. St. Petersburg: Oleg Abyshko. pp. 44–78.

28. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1628. List 1. D. 374.

29. Department of Manuscripts of the Russian State Library (OR RGB). Fund 541. Folder 5. File 10; Folder 6. File 13; Folder 7. File 1.

30. Department of Manuscripts of the Russian State Library (OR RGB). Fund 541. Folder 5. File 13, 14.

31. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1628. List 1. D. 382.

32. Department of Manuscripts of the Russian State Library (OR RGB). Fund 541. Folder 9. File 6.

33. Golubinsky, E.E. (1923) Vospominaniya E.E. Golubinskogo [Memoirs of E.E. Golubinsky]. In: *Trudy Kostromskogo nauchnogo obshchestva po izucheniyu mestnogo kraya* [Proceedings of the Kostroma Research Society for the Study of the Local Territory]. Vol. 3. Kostroma. pp. 1–80.
34. Russian Empire. (1873) Vysochayshe utverzhdenyy Ustav pravoslavnykh dukhovnykh akademiy 30 maya 1869 g. (№ 47154) [The Highest Approved Charter of the Orthodox Theological Academies on May 30, 1869 (No. 47154)]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of the Laws of the Russian Empire]. Coll. 2. Vol. 44. 46610–47357. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 545–556.
35. Anon. (1873) Doktorskiy disput V.D. Kudryavtseva v Moskovskoy dukhovnoy akademii [Doctoral Disputation by V.D. Kudryavtsev in the Moscow Theological Academy]. *Pravoslavnoe obozrenie*. 2. pp. 122–125.
36. Anon. (1877) Doktorskiy disput protoiereya A.M. Ivantsova-Platonova [Doctoral Disputation by A.M. Ivantsov-Platonov]. *Pravoslavnoe obozrenie*. 12. pp. 790–814.
37. Potapov, V. (1873) Pis'mo v redaktsiyu [Letter to the editors]. *Pravoslavnoe obozrenie*. 2. pp. 125–128.
38. Sukhova, N.Yu. (2010) Dissertation debates as a form of scientific work in the Russian Orthodox Ecclesiastical academies in 1869–1884. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya II. Istoriya. Istoriya Russkoy pravoslavnoy tserkvi – St. Tikhon's University Review. History. Russian Church History*. 3(36). pp. 21–35. (In Russian).
39. Russia. (1884) *Ustav pravoslavnykh dukhovnykh akademiy* [Charter of Orthodox Theological Academies]. St. Petersburg: [s.n.].
40. Russia. (1883) *Ustav pravoslavnykh dukhovnykh akademiy (s prilozheniyami)* [Charter of Orthodox Theological Academies (with appendices)]. St. Petersburg: Sinod. Tip.
41. Department of Manuscripts of the Russian State Library (OR RGB). Fund 541. Folder 5. File 6.
42. A.B. (1881) Doktorskiy disput v Moskovskoy dukhovnoy akademii 16-godekabrya 1880 g. [Doctoral Disputation at the Moscow Theological Academy on December 16, 1880]. *Pravoslavnoe obozrenie*. 1. pp. 147–178.
43. Anon. (1874) Doktorskiy disput g. Subbotina v Moskovskoy dukhovnoy akademii [Doctoral Disputation of Mr. Subbotin in the Moscow Theological Academy]. *Pravoslavnoe obozrenie*. 5. pp. 327–337.
44. Golubinsky, F.A. (1914) Istoriya obshchestva, sostavivshegosya pod nazvaniem “Uchenye besedy” v Moskovskoy dukhovnoy akademii 1 marta 1816 g. [The history of society under the name “Scientists Talk” in the Moscow Theological Academy March 1, 1816]. In: Dobronravov, N.P. et al. (eds) *U Troitsy v akademii. 1814–1914 gg. Yubileynyy sbornik istoricheskikh materialov* [At the Trinity in the Academy. 1814–1914. Jubilee Collection of Historical Materials]. Moscow: [s.n.]. pp. 1–9.
45. Sukhova, N.Yu. (2010) Studencheskie kruzhki v vysshey shkole (na primere pravoslavnykh dukhovnykh akademiy v Rossiiv 1890–1900-e gg.) [Student circles in higher education (a case study of Orthodox theological academies in Russia in the 1890–1900s)]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika*. 13(84). pp. 152–159.
46. Anon. (1902) Otchet o deyatelnosti studencheskogo filosofsko-psikhologicheskogo kruzhka za 1899–1900 i 1900–1901 uchebnye gody [Report on the activities of the student philosophical and psychological circle for 1899–1900 and 1900–1901 academic years]. *Bogoslovskiy vestnik*. 2. pp. 411–430.
47. Anon. (1903) Otchet o deyatelnosti studencheskogo filosofskogo kruzhka za 1901–1902 uchebnyy god [Report on the activities of the student philosophical circle for the 1901–1902 academic year]. *Bogoslovskiy vestnik*. 6. pp. 322–327.